

И. С. Мяндин, будучи разносторонне начитанным (он, по словам помнивших его усть-цилемцев, не чуждался «мирской» литературы, читал газеты и журналы), занимался не только перепиской рукописей, но переделывал также старинные произведения. При их обработке он упрощал язык, стиль, вносил местные черты, выражал местные взгляды и воззрения. Изменения и дополнения в литературных и исторических памятниках (Житие Корнилия Выговского, повести об иноке, прельщенном бесом, о царе Аггее, царице и львице и др.) характеризуют И. С. Мяндину как человека, любившего свой народ и жившего с ним едиными мыслями. Он мечтал об участии народа в управлении страной (см. две последние повести), прославлял честный труд (царь Аггей), обличал жестокость и корысть богачей.

Имеются основания предполагать, что И. С. Мяндин занимался также сочинением собственных произведений, используя для них местный легендарно-бытовой материал. Несколько обнаруженных экспедициями таких памятников являются, по-видимому, продуктом его творчества.

Как писец И. С. Мяндин отличался исключительной плодотворностью. На нижней Печоре до сих пор встречается огромное количество рукописных книг его переписки. Несколько десятков их находится ныне в собрании ИРЛИ. Ему принадлежит большая заслуга в создании местного почерка. Он в числе первых перестал подражать в письме поморскому полууставу, пытаясь на его основе создать свой характерный почерк. И. С. Мяндин известен также как переплетчик и реставратор рукописной старины.

И. С. Мяндин пользовался среди местного старообрядчества высоким авторитетом благодаря своему уму и обширным знаниям, был заметной фигурой в их среде. Однако он, по рассказам знавших его П. В. Чупровой и П. Г. Чупрова, был чужд религиозной нетерпимости. А этим как раз отличалось большинство его собратьев — усть-цилемских книжников из староверов. Указанная черта И. С. Мяндину располагала к нему всех встречавшихся с ним лиц, и они охотно поддерживали с ним сношения. И. С. Мяндин знал С. В. Максимов (об этом свидетельствует найденное письмо Мяндину) и пользовался, по-видимому, его помощью при знакомстве с местной стариной.

Имя И. С. Мяндину как большого книжника, начетчика, прекрасного певца (он обладал хорошим голосом) было известно в старообрядческом мире далеко за пределами Усть-Цилемского края. Встречавшийся с ним Э. Н. Бабилов (живет ныне около Замшевого завода, что близ Усть-Цильмы) сказал, что И. С. Мяндину «славили» по всей Печоре. И до сих пор среди печорцев старшего поколения это имя произносится с почетом и уважением.

И. С. Мяндин, сын суворовского солдата, был, как теперь выясняется, действительно подлинным крестьянским самородком. Он сумел в исключительно тяжелых условиях царского режима на Печоре, в условиях религиозного гнета (найденны материалы о его притеснениях миссионерами) подняться до уровня большой, по здешним условиям, образованности. Этому несомненно способствовали его недюжинный талант и стремление к знанию.

И. С. Мяндин можно с полным правом назвать первым усть-цилемским писателем и популяризатором памятников старинной письменности. Другие, подобные ему по образованности, широте взгляда и размаху книгописной деятельности имена нам пока неизвестны.

Выяснение общественно-политических взглядов И. С. Мяндину, определение круга написанных и переработанных им произведений, объема